

А.Г. Машкова

**«Завещание» славянскому миру:
Трактат Людовита Штура «Славянство и мир будущего»
(К 200-летию со дня рождения писателя)**

Аннотация: В статье речь идет об основных положениях и судьбе трактата Людовита Штура «Славянство и мир будущего». Восприняв идею «славянской взаимности», прозвучавшую в трудах своих предшественников – Я. Коллара и П.Й. Шафарика, Штур многое переосмыслил и представил свою трактовку этой идеи, обозначил пути объединения славян во главе с Россией.

Ключевые слова: славянское единство, Россия, Запад, общий язык, политическое и религиозное объединение, переводы трактата

Abstract: The article focuses on the basic provisions and the fate of the Ľudovít Štúr's treatise «Slavs and the world of the future». Having embraced the idea of «Slavonic mutuality» contained in the writings of his predecessors – J. Kollár and P.J. Šafárik Štúr much reinterpreted and presented his interpretation of the ideas outlined ways of uniting the Slavs, led by Russia.

Key words: Slavonic unity, Russia, West, common language, political and religious unity, translations of treatise

Как известно, духовная атмосфера в словацком обществе на рубеже XIX–XX вв., т. е. в эпоху Национального возрождения, сформировалась под сильным воздействием идеи единения славянских народов. Эта идея пронизывает творчество практически всех деятелей культуры того времени: Ю. Палковича, Б. Таблица, Я. Коллара, П.Й. Шафарика, Л. Штура и др. На вопрос о том, почему именно в словацкой среде родилась и оформилась эта идея, впервые попытались ответить известные русские слависты А.Н. Пыпин и В.Д. Спасович, которые в своем труде «История славянских литератур» (1881 г.) писали: «Словаки, с древнейших времен потерявшие политическую независимость, оставались, однако, в уединенном положении, при котором, особенно в горных краях, могло сохраниться много свойств харак-

тера и быта не тронутыми чужеплеменным влиянием, так сильно бьющим в глаза особенно у чехов... у них не было, как у других племен, прошлого, исторически памятного, которое они могли бы разумно надеяться восстановить, и весь пыл народного чувства, который у других шел именно на это, у них обращался на патриотизм идеальный, на отечество всеславянское, на панславизм – в том или другом смысле и объеме... самые характерные панслависты явились именно у Словаков»¹.

Иными словами, по утверждению П.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича, многовековой национальный гнет, тяжелое положение словацкого народа породили в нем стремление к объединению с другими славянами, а особенности менталитета, во многом обусловленные географическим положением словацких земель, придали этому стремлению романтический характер. Полагаю, что подобная точка зрения имеет право на существование.

Тем не менее в самой трактовке идеи «славянской взаимности» (именно так обозначают идею единения славянских народов в Словакии и Чехии) различными представителями словацкой культуры существовали отличия. Что касается Штура, то он не принял, предложенную Я. Колларом и П.Й. Шафариком, структуру славянства. Вместе с тем, именно их идеи оказали на него решающее воздействие. Восприняв их, он многое скорректировал и домыслил. Так, если Коллар и Шафарик отстаивали единение славян прежде всего в плане культурном, то Л. Штур пошел значительно дальше: он говорил не только об общности культур, но и об объединении политическом, религиозном. Отличными были их позиции и по поводу взаимоотношений с чехами. В частности, Коллар и Шафарик считали, что словаки должны отказаться от своего литературного языка в пользу чешского. Это, по их мнению, соответствовало концепции «чехословацкого племени». В итоге, хотя это может показаться парадоксальным, по утверждению Пыпина и Спасовича, «труды Шафарика и Коллара содействовали именно сепаратистским стремлениям словацких патриотов», ибо «и тому и другому словацкий народ казался только составной частью чешского»².

Основные позиции концепции славянства обозначились уже в лекциях Штура, которые он читал студентам Братиславского лицея. Доминирующей в этих лекциях стала идея органической связи словаков и славянства. Уже тогда Штур в противовес предложенному Колларом в трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836) положению о сближении славянских народов посредством использования четырех основных языков (русский, польский, чехословацкий, иллирийский) заговорил о новом литературном словацком языке. Тем самым он как бы утвердил необходимость эмансипации словаков как нации. В своем труде «Наречие словацкое, или Потребность писать на этом наречии» (1846) Штур подчеркивал: «Мы, Словаки, – племя, и как племя мы имеем собственное наречие, от-

¹ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. II. СПб., 1881. С. 1025.

² Ibid. S. 1026.

личное от чешского»¹. Эти мысли были развиты им в трактате «Славянство и мир будущего», написанном незадолго до кончины, в середине 1850-х гг.

Однако не только языковые проблемы побудили Штура написать трактат. Немалую роль в этом сыграла и политическая ситуация, сложившаяся в Словакии после революции 1848 г. А именно: его обида на австрийскую власть, разочарование, связанное с невозможностью сотрудничества с венграми, которого он добивался. С этой целью Штур даже участвовал в разработке целой серии документов, в том числе «Требований словацкого народа», которые так и не были удовлетворены венгерскими властями. Отойдя от политической жизни после поражения словаков в революционных событиях, Штур, по всей видимости, стремился повлиять на нее в теоретическом плане. Он стал искать выход из создавшегося положения в идее сплочения славянских народов вокруг России.

В самом начале своего трактата «Славянство и мир будущего» Штур пишет о том, что, несмотря на одинаковую судьбу, славянские народы «никогда не действовали сообща». Поэтому настало время, подчеркивает он, «со всей откровенностью», заключить «взаимное соглашение между всеми нами... (славянами. – А. М.)». В этом видел он основную цель своего труда.

Далее автор излагает основные причины нынешнего трагического положения славян, страдающих как «от своих злосчастных разделений и раздоров», так и отсутствия «объединяющих и возвышающих идей», под которым он подразумевает религиозную общность. Итогом этого стало, по мнению Штура, то, что славянский мир ныне представляет собой «по большей части одни руины», славянские народы «забыли о своем общем происхождении и тем самым погрузили в глубокую тьму забвения все узы родства и братского единения»².

Славянскому миру Штур противопоставляет мир западный, анализирует его в историческом и философском планах. При этом в своем неприятии Запада Штур пошел значительно дальше Коллара. У Коллара его антизападные настроения носят скорее эмоциональный характер (например, его мечта видеть Европу падшей на колени перед славянским миром, о чем он пишет в «Дочери Славы», или неприятие байронического романтизма и т. д.). В отличие от него Штур, подробно излагая политическую ситуацию, сложившуюся в странах западной Европы, и отношение их представителей к славянским народам, делает вывод о неизбежной гибели западного мира. Он пишет: «В политическом отношении Запад бросается из самодержавных Монархий в конституционные, из них снова в политические и, наконец, в социальные и коммунистические Республики, где все оканчивается разложением человечества и уничтожением всякой человечности. Это бросание имеет в себе то роковое значение, что, однажды увлеченный в этом потоке движения, не может уже в нем остановиться. Тут нет остановки и покоя, здесь все хочет вперед, все

¹ Štúr L'. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí // Štúr L'. Hlas k rodákom. Bratislava 1971. S. 98.

² Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура. 2-е изд. СПб., 1909. С. 3.

стремится, все рвется, все видит конечное, желанное счастье – в разрушении!.. Пусть мчится колесница вперед – ее колесо не обратить назад: пусть мчится она с народами Запада, пока могучая рука не удержит ее на краю пропасти!»¹

Штур активно не приемлет революции, которые рождаются, как он утверждает, именно на Западе и которые влекут за собой хаос, способствуя распространению коммунистических идей. Порочность этих идей он видит в том, что «каждый Коммунизм призывает грубую, чувственную, себялюбивую толпу к владычеству... Как бы ни старался Коммунизм представить себя защитником прав человеческих, но сам он не знает вовсе человечества, жалким образом унижает его...»². Именно подобные высказывания Штура, по всей вероятности, послужили причинами того, что его труд не был издан ни в СССР, ни в ЧССР.

Тем не менее, объективности ради, необходимо отметить, что отношение Штура к Западу не было однозначным. Наряду с критикой он призывал «многому, очень многому, учиться от Запада, но не с того должны мы начинать, от чего он сам погибнет, но с того, чем он стал велик и могуществен»³. А именно, пояснял он, учиться у Запада построению государственной жизни, искусству создания прекрасного и т. п.

Отвергая Запад, Штур обращает свой взор на Восток, к России, восприятие которой не лишено романтизма. Именно Россия, с его точки зрения, и станет объединяющим началом всех славян. Он пишет: «Неодолимо влечет к себе Россия Славян... Русские – единственные Славяне, сохранившие свою самостоятельность, и тем спасшие честь славянского имени... Россия, конечно, есть величайшая первостепенная Держава, ибо какое иное государство повелевает такими неизмеримыми силами и средствами, какими обладает Россия?... Иностранцы, впрочем, постоянно утверждают, что Россия не может удержаться при такой величине и должна распасться. Распасться – страшное слово, но возможно ли это? Когда чего желают, то верят в его исполнение. Но, слава Богу, о распадении России не может быть и речи...» И далее: «Опирайтесь на все Славянство – вот единственно природная и сообразная России политика. Славянские племена, ныне находящиеся вне пределов Русской Государственности, однажды соединившись с Россией в одно целое... Итак, терпенье, Славяне! День наш взойдет и забрезжит на Юго-Востоке... пора, в высшей степени пора, России сознать свое призвание и приняться за Славянскую идею; долгое промедление может, по нашему мнению, иметь дурные последствия»⁴.

Таким образом, для того чтобы преодолеть разобщенность и отсталость, славяне должны, по мнению Штура, не просто объединиться, но объединиться вокруг России. Иначе говоря, он вкладывал в понятие «единение», «взаимость» совсем иной смысл, чем Коллар, который под объединени-

¹ Ibid. S. 108.

² Ibid. S. 55.

³ Ibid. S. 158–159.

⁴ Ibid. C. 108.

ем понимал прежде всего духовное единение народов, единение в области культуры и литературы, а не политики, ибо он был весьма лоялен в отношении существующего режима и вовсе не думал о разрушении политических границ и ликвидации правительств. В отличие от Коллара Штур выдвинул идею политического объединения славян во главе с Россией.

В качестве основных условий объединения он выдвигал принятие всеми славянами православия, ибо «никогда не уживалось славянство с римским католичеством, а Восточная церковь была некогда общая всем нашим племенам и есть их общее достояние»¹. Вторым условием было принятие русского языка в качестве общеславянского. Остальные славянские языки, согласно штуровской теории, должны использоваться в качестве наречий. Он подчеркивал: «...Славяне должны подготавливаться к единству литературного языка, ибо кто не видит, что множество литератур препятствует взаимному пониманию, развитию духа и общей согласованной деятельности?» И далее: «...при вопросе об общеславянском литературном языке может быть выбор только между Древне-Славянским и Русским языком. Но Древне-Славянский язык уже вышел из общежития, почти мертвый, лишен гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся в живом слове. Итак, остается только Русский язык, как исключительно на то способный, ибо этот язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего Славянского племени, которому уже и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех языков Славянских этот самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатленный могуществом...»².

Таким образом, у Штура был свой ответ на поставленный им вопрос о том, каким образом возможно возрождение славянских народов, их спасение от гибели и ассимиляции.

Трактат должен был стать программным документом Славянского съезда в Москве (1867). Его рукопись, написанная на немецком языке («Das Slawenthum und die Welt der Zukunft»), была передана Штуром одному из его русских друзей. Ознакомившись с ней, русский славист В.И. Ламанский в одном из писем очень высоко оценил сочинение, назвав его «**завещанием славянскому миру**» (выделено мной. – А. М.). Он писал, что это «исключительно выдающаяся вещь... Здесь много глубоких мыслей о всеобщей славянской истории и роли России, о характере православия»³. Трактат был переведен на русский язык в 1867 г. и издан Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете под названием «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура». Относительно перевода В.И. Ламанский констатировал: «Большая часть перевода сделана мною, остальная же мною лишь исправлена, а переведена некоторыми из моих слушателей, которым я приношу мою чув-

¹ Ibid. С. 168.

² Ibid. С. 171.

³ Ламанский В.И. Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. № 5. С. 265.

ствительную благодарность»¹. В 1909 г. было осуществлено второе издание трактата с предисловием К.Я. Грота и вступительной статьей и комментариями Т.Д. Флоринского. В эту же книгу было включено Предисловие В.И. Ламанского к первому изданию трактата.

К моменту издания рукописи на русском языке имя его создателя было уже хорошо известно в России. Еще при жизни Штур поддерживал активные отношения с русскими славистами, с некоторыми из них он встречался (М.П. Погодин, И.И. Срезневский, Н.А. Ригельман, Ф.В. Чижов), со многими переписывался, обменивался литературой (О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, М.Ф. Раевский). О нем писали В.И. Ламанский, И.И. Срезневский, А.Н. Пыпин и В.Д. Спасович, А.С. Будилович, Т.Д. Флоринский, В.П. Петров и др. В 1860 г. журнал «Русская беседа» опубликовал подробную биографию Штура неизвестного автора.

В свое время трактат Штура пользовался в России большой популярностью. Его цитировали, на него опирались в своих суждениях многие русские ученые. Так, Ламанский в статье «Из записок о славянских землях» использует отдельные положения трактата, в частности касающиеся русского языка в качестве общеславянского. Он отмечал, что «лучшие люди между словаками и прежде и яснее других славян сознали необходимость одного общего литературного языка для всех славян. Незабвенный Л. Штур, в одном неизданном еще сочинении, так писал об этом, незадолго до своей смерти...». И далее: «Идеи Штура оживляют всех современных словенских деятелей, и нет сомнения, что недалеко то время, когда словаки, не переставая влиять на южных славян, явятся самостоятельными деятелями и в русской литературе и в образованности»².

Спустя почти столетия о непреходящем значении трактата Штура и его актуальности в начале XX в., когда над славянским миром «сгустились тучи», напишет и Флоринский в своей вступительной статье ко второму изданию. Данный труд, как он отмечал, «занимает выдающееся место в публицистической литературе о славянстве и славянском вопросе и в отношении основных своих положений вполне сохраняет свое значение и в настоящее время... Основные его мысли, в силу их искренности и внутренней правдивости, и теперь сохранили свое значение, свою жизненность, находят себе подтверждение в многочисленных явлениях современной славянской жизни и потому заслуживают всякого уважения, внимания и изучения»³.

И хотя будущая судьба славянства, с точки зрения русского ученого, виделась Штуру как «возвышенный и чистый идеал», тем не менее он не мог не согласиться с мнением Штура по поводу использования русского языка как общеславянского, что подтверждается самой жизнью: «...сознание важности для славянских народов пользования во взаимных отношениях,

¹ Ламанский В.И. Предисловие // Штур Людовит. Славянство и мир будущего. М., 1867. С. 1, II.

² Ламанский В.И. Из записок о славянских землях. С. 265.

³ Флоринский Т.Д. Людовит Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего» // Людовит Штур. Славянство и мир будущего. С. XXXV–XXXVI.

науке и литературе одним общим языком все более крепнет во всех концах славянского мира. При этом решение вопроса об общеславянском языке самую жизнь дается именно то, за которое ратовал Л. Штур. Повсюду в западно-славянских землях теперь усердно изучается русский книжный язык, и вместе с тем ширится знакомство с русской литературой и, таким образом, подготавливается и осуществляется безмолвное признание русского языка общеславянским»¹.

Флоринский усматривал развитие штуровских идей в трудах А.О. Гильфердинга, В.И. Ламанского, А.С. Будиловича и других славяноведов. Поэтому он считал, что переиздание рукописи «особенно своевременно и уместно».

Дальнейшая судьба рукописи такова: в 1931 г. она была издана в Братиславе на языке оригинала, т. е. на немецком. На словацком языке попытки издать отрывки из нее предпринимались неоднократно, в частности, они были включены в книгу избранных произведений Л. Штура под названием «Голос, обращенный к соотечественникам» (1971). В 1993 г. в Словакии впервые увидел свет полный вариант трактата на словацком языке в переводе А. Бжоха.

Начавшееся еще в XIX в. обсуждение значимости фигуры и трудов Штура для словацкой истории и науки было продолжено в последующие периоды. При этом мнения различных ученых разделились. Как отмечает современный исследователь И. Каменец, «речь шла отнюдь не о научных и академических вопросах, а о весьма прозаических, прагматичных властно-политических интересах... Личность Штура все явственнее становилась инструментом в происходящей идеологической борьбе между центристским, автономистским и левым крылом тогдашней политики. Публицисты и политики, принадлежащие к автономистскому крылу, стремились приписать национально-эмансипированным устремлениям Штура античешский, отчасти античехословацкий характер, считали их сознательным отказом от сотрудничества с Чехами, от чешско-словацкого политического и культурного контекста вообще»². В частности, в период существования Чехословацкой республики (1918) сторонники «чехословакизма», в том числе президент Т.Г. Масарик, известный чешский литературный критик А. Пражак, словаки В. Шробар, Л. Новак и др., считали Штура «основателем современного словацкого национализма». Вслед за Колларом они упрекали не только его, но и всю «штуровскую школу» в превратном понимании проблемы чехословакизма в языковой сфере, что, с их точки зрения, содействовало «чехословацкому расколу». Понятие «национализм» определенная часть словацкого общества порой использовала и в ином смысле – как знамя в период фашизации Словакии, борьбы за ее автономию, а само имя Штура воспринималось, по выражению тогдашнего президента Словацкой республики Й. Тисо, как «символ словацкого национализма».

Искажался смысл и значение деятельности Штура, в том числе его трактата «Славянство и мир будущего», и в более поздние периоды словацкой

¹ Ibid. С. XXXIX–XL.

² Kamenec I. Bitka o buditeľ'a // L'udovít Štúr mrtvý alebo živý. Bratislava 2007/01. S. 51–52.

истории. Как пишет словацкий историк И. Каменец: «Отдельные режимы, которые на словах выступали за Штура, всегда обнаруживали в его творчестве какие-то “неподходящие” пассажи (то слишком прословацкие, прославянские, прорусские, то проавстрийские, пронемецкие, прокоммунистические и т. д.), не отвечающие существующей в данный момент политической системе и ее официальной идеологии»¹. На это обращает внимание и словацкий литературовед, писательница М. Баторова, которая в своем выступлении на состоявшейся в мае этого года конференции, посвященной юбилею Штура, сказала, что его «упрекают в языковом разрыве с чехами, в бессмысленном национализме и т. д. Именно в этом плане в начале 90-х годов на основе его трактата “Славянство и мир будущего”, написанного в после-революционном отчаянии, по-немецки, и впервые переведенном на словацкий язык, его пытались “развенчать” представители молодого и не очень молодого поколений словаков. Отчасти эти критики были правы, ибо в своей очарованности тем, что через сто лет Томаш Г. Масарик назвал “воображаемой Россией”, Штур ошибался... Штур ошибался, когда при отсутствии иной возможности и безысходности восхвалял и призывал нас (словаков. – А. М.) к русской общности, идеалы и практика которой не существовали ни в России, ни где-либо еще. Его принципиальным вкладом была просветительская вера в эмансипацию человеческого и общественного духа, в создание нового возрожденного общества»².

Тем не менее, что бы ни писали о Штуре представители разных политических групп и поколений, его трактат «Славянство и мир будущего», как и трактат Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», преодолев границы национальной культуры, получил широкую известность в славянском мире. «Пророческая» сила этого произведения состоит в том, что его создатель, отказавшись от националистических платформ отдельных славянских народов, призывает взглянуть на Славянство как на единую европейскую силу. Именно поэтому весьма актуально звучат слова современного словацкого философа Т. Пихлера о том, что произведение Штура надо читать, изучать, «продираясь сквозь чашу предложений и мыслей, сформулированных по нынешним меркам с необычным пафосом и одновременно реализмом... Ибо ничто не может заменить опыт собственного прочтения»³.

Сведения об авторе:
Алла Германовна Машкова,
доктор филологических наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

¹ Kamenec I. Bitka o buditeľa // L'udovít Štúr mŕtvý alebo živý. S. 48–49.

² Batorová M. Štúr a my docviewer.zandex.ru

³ Pichler T. Poznať seba samých // L'udovít Štúr mŕtvý alebo živý. S. 85.

Alla Germanovna Mashkova
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
allamashkova@yandex.ru